

ВОРОНЕЖСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 АПРѢЛЯ 1903 ГОДА.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ
МѢСЯЦЪ 1 и 15 ЧИСЕЛЪ.

№ 7

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДА-
НІЮ 5 РУБ.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Опредѣлены на мѣста:

А) На Священническія:

Священникъ Пятницкой церкви, слободы Кривоносой, Богучарскаго уѣзда, Александръ *Чуевъ*, по прошенію, перемѣщенъ къ Успенской церкви, слободы Ново-Бѣлой, Богучарскаго уѣзда, 5 Марта.

Діаконъ Божоявленской церкви, гор. Острогожска, Владиміръ *Крыловъ*,—къ Покровской церкви, села Новой Кирсановки, Новохоперскаго уѣзда, 10 Марта.

Діаконъ Покровской церкви, села Димитряшевки, Землянскаго уѣзда, Александръ *Воробьевскій*,—къ Георгіевской церкви, села Юрасовки, Острогожскаго уѣзда, 11 Марта.

Священникъ Іоанновской церкви, слободы Новой Мель-



НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ
ВОРОНЕЖСКИХЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

1 АПРѢЛЯ.

№ 7

1903 ГОДА.

С Л О В О
ПРЕДЪ ПЛАЩАНИЦЕЮ.

Господи, прискорбна душа наша! Прискорбно намъ вспоминать о тѣхъ мучительныхъ страданіяхъ, которыя Ты, Божественный, благоволилъ претерпѣть за грѣхи наши; прискорбно намъ сознать, что мы—люди, рабы Твои неключимые,—орудіе Твоихъ страданій, виновники Твоей крестной смерти.

Особенно прискорбно намъ сознать, что и въ настоящее время, послѣ того, какъ на протяженіи 19-ти вѣковъ

О подражаніи Святымъ.

(Публичное богословское чтеніе ¹⁾).

«Умоляю васъ: подражайте мнѣ, какъ я Христу (1 Кор. 4, 16)». «Подражайте, братіе, мнѣ, и смотрите на тѣхъ, которые поступаютъ по образу, какой имѣете въ насъ (Филип. 3, 17)».

«Святымъ недаромъ молятся цѣлыя тысячелѣтія послѣ ихъ смерти: даже одинъ мысленный образъ *настоящаго* человѣка имѣетъ непобѣдимое очарованіе (М. Меньшиковъ. Думы о счастьѣ)».

I.

«Правила учать, примѣры увлекаютъ». — Это хорошо извѣстное всѣмъ съ дѣтства мудрое изреченіе, дошедшее до насъ отъ временъ глубокой классической древности, безспорно, выражаетъ собою одинъ изъ самыхъ основныхъ творческихъ законовъ, которыми опредѣляются развитіе и дѣятельность человѣческаго духа. Способность къ подражанію, по всей справедливости, должна быть отнесена къ числу наиболѣе существенныхъ, развитыхъ и заслуживающихъ нашего особеннаго удивленія способностей человѣческой природы. Ее на каждомъ почти шагу, — сознательно и безсознательно, не только зольною волею, но иногда и вопреки самымъ, повидимому, рѣшительнымъ своимъ намѣреніямъ, — обнаруживаютъ люди всѣхъ безъ исключенія возрастовъ, по-

¹⁾ Съ нѣкоторыми сокращеніями произнесено въ залѣ Воронежской городской Думы 15 Декабря 1902 года.

ложеній и состояній. Дѣти и юноши стараются возможно болѣе походить на взрослыхъ. Малоразвитые духовно низшіе классы народа слѣдуютъ въ своей жизни примѣру отцовъ и дѣдовъ, или же до мелочей перенимаютъ то, изъ чего складывается духовный и матеріальный бытъ болѣе часто и близко соприкасающейся съ этими классами средней интеллигенціи. «Какъ живутъ, одѣваются и ѣдятъ, что дѣлаютъ, говорятъ и думаютъ господа,—все это становится неписаннымъ, но какъ-бы священнымъ закономъ для милліоновъ бѣдняковъ, все это считается образцомъ настоящей жизни, настоящаго человѣка» ¹⁾. Представители интеллигентнаго общества считаютъ признакомъ высшаго тона, доказательствомъ наибольшей порядочности и благовоспитанности сообразоваться съ тѣмъ, что бываетъ «привято» въ извѣстную пору въ самыхъ избранныхъ аристократическихъ кругахъ. Волна подражанія можетъ охватывать иногда даже цѣлыя націи, заставляя ихъ забывать о своемъ славномъ многовѣковомъ историческомъ прошломъ и охотно жертвовать при этомъ своими исконными—верѣдею полнымъ глубокаго смысла и жизненнаго значенія—преданіями, началами и установленіями въ пользу крайне сомнительной перенимаемой новизны.

Подражаютъ всѣ и—во всемъ: въ манерѣ одѣваться, украшать свои жилища, держать себя въ обществѣ; въ выборѣ развлеченій и книгъ, въ симпатіяхъ и антипатіяхъ; въ образованіи и воспитаніи; словомъ—въ области всѣхъ явленій умственнаго, эстетическаго, религіозно-нравственнаго и бытового характера. На все у насъ есть мода, и она управляетъ нами съ такимъ деспотизмомъ, что ей верѣдею не въ состояніи бываютъ сопротивляться ни разсудокъ, ни воля,

¹⁾ М. Меньшиковъ. Изъ писемъ къ ближнимъ. Сила вѣры. «Новое Время» 1902 г. № 9551.

ни совѣсть... «Все» — говоритъ по этому поводу извѣстный итальянскій психологъ Сигеле — «начиная одеждой, ...отъ благородныхъ поступковъ до преступленія, отъ самоубійства до сумасшествія, всѣ какъ самыя ничтожныя, такъ и самыя великія, какъ самыя тяжелыя, такъ и самыя радостныя проявленія человѣческой жизни — все является слѣдствіемъ подражательности» ¹⁾).

Опираясь на столь очевидной всеобщности закона подражанія, многіе и въ наукѣ, и въ произведеніяхъ изящной литературы, и въ жизни все чаще и чаще, настойчивѣе и настойчивѣе проповѣдуютъ мысль о неодолимомъ будто бы вліяніи на человѣка окужающей его среды, о невозможности итти противъ установившихся въ обществѣ теченій, о безполезности и даже неразумности борьбы одного противъ всѣхъ и т. д. «Общественное мнѣніе» — говорятъ намъ иногда мора — листы — «не только надуваетъ паруса нашей жизненной ладьи, но правитъ и рулемъ, лишая насъ даже возможности выбора пути и оставляя намъ чисто пассивную роль» ²⁾. Исходя изъ того же убѣжденія въ безусловно неотразимой силѣ окружающихъ насъ вліяній, многіе судебные ораторы произносятъ блистательнѣйшія защитительныя рѣчи въ пользу самыхъ тяжкихъ и закоренѣлыхъ преступниковъ, а присутствующая при разборѣ громкихъ сенсационныхъ дѣлъ толпа неистово рукоплещетъ судебнымъ приговорамъ, которые не въ мѣру снисходительно наказываютъ или оправдываютъ совершенно очевидныя злодѣянія. Да кто и изъ

¹⁾ С. Сигеле. Преступная толпа (*La foule criminelle*). Опытъ коллективной психологіи. Пер. съ франц. Изд. Н. С. Тютчева. Новгородъ. 1893 г., стр. 30.

²⁾ Жюль Пэю. Самовоспитаніе воли. Пер. съ франц. (Съ примѣчан. и дополнен. Ипполита Рапгофа). С.-Петербургъ, 1899 г. стр. 108. Ср. ром. Евг. Саліаса «Сумма трехъ слагаемыхъ» въ «Вѣстникѣ Европы» за 1901 г. Ноябрь, стр. 70—91.

насъ самихъ не только не знаетъ, но и не повторялъ множество разъ этихъ непреложныхъ аксіомъ современной ходячей морали: «среда заѣла», «одинъ въ полѣ не воинъ», «съ волками жить,—по волчьи и выть», «всѣ такъ дѣлають, значитъ—такъ нужно», «свободная воля есть одна лишь иллюзія сознанія» и т. д.?

Вполнѣ отрицать значеніе среды и эпохи, конечно, невозможно, да и нѣтъ въ томъ никакой надобности. Однакожь, нельзя забывать и того, что люди, придающіе имъ слишкомъ большую цѣну, невольно понижаютъ человѣческое достоинство, обращаютъ человѣка во что то мелкое, ничтожное, если не сказать даже жалкое и отталкивающее. Между тѣмъ среда, условія жизни въ извѣстныхъ рамкахъ—это все равно, что вода или какая-нибудь другая жидкость въ большомъ сосудѣ. Бросьте въ эту жидкость какой-либо легкой предметъ, и жидкость вытѣснитъ его на поверхность; наоборотъ, бросьте въ сосудъ тяжелый предметъ, онъ самъ вытѣснитъ изъ сосуда жидкость. Если зло жизни, ея темныя стороны не только гнетутъ и давятъ, но даже вытѣсняютъ насъ изъ своей среды, значитъ, мы слишкомъ легковѣсны, въ насъ нѣтъ большаго нравственнаго удѣльнаго вѣса. Вступи мы въ жизнь съ большимъ внутреннимъ содержаніемъ, съ болѣе тяжелымъ духовнымъ багажемъ, мы сами своею тяжестью вытѣснили бы изъ жизни значительное количество ея зла и свободно нашли бы мѣсто для носимаго нами добра¹⁾. Каждый изъ насъ получаетъ отъ природы опредѣленный характеръ, который налагаетъ извѣстную печать, даетъ опредѣленную окраску его поведенію и служитъ внутреннимъ побужденіемъ, сообразно которому человѣкъ поступаетъ въ своей жизни. Чѣмъ сильнѣе это внутреннее побужденіе, чѣмъ тверже и

¹⁾ «Другъ трезвости» 1901 г. Октябрь, №№ 19—20; стр. 36. Перифразъ.

цѣльнѣе характеръ, тѣмъ болѣе личность будетъ поступать только подъ ихъ вліяніемъ, не поддаваясь воздѣйствію вышнихъ обстоятельствъ. Извѣстно, что ядро тѣмъ легче преодолеваетъ встрѣчающіяся на его пути препятствія, чѣмъ сильнѣе была первоначальная скорость, съ которой оно брошено изъ орудія. Безпристрастная наука съ несомнѣнностью установила полную ошибочность того мнѣнія, будто внушеніемъ (въ опытахъ гипнотизма) можно заставить субъекта совершить *какой угодно* поступокъ. Оно можетъ заставить субъекта выполнить лишь такія дѣйствія, къ которымъ *онъ болѣе или менѣе предрасположенъ* ¹⁾. Но если даже при помощи гипнотическаго внушенія, которое является самымъ сильнымъ въ ряду всѣхъ остальныхъ способовъ вліянія на человѣка, невозможно совершенно разрушить человѣческую индивидуальность (личность) и возможно только ее ослабить, то не тѣмъ ли болѣе эта личность сохраняется при внушеніяхъ въ состояніи бодрствованія, хотя бы они достигали наибольшей напряженности, какъ это бываетъ, напр., среди толпы? А если въ дѣйствительности мы охотяѣе готовы идти по проторенной—даже и скользкой иногда—дорогѣ, нежели прокладывать себѣ новый, честный и славный путь, то это объясняется только нашимъ излившимъ своекорыстіемъ и себялюбіемъ. Страшась труда и усилій, необходимыхъ для борьбы съ собою и съ окружающими за высшія начала жизни, люди легче поступаются своими идеалами, нежели жизненными удобствами и спокойствіемъ....

Итакъ примѣръ вовсе не есть непреодолимая роковая сила, которая увлекаетъ насъ за собою съ неизбѣжною, ничѣмъ рѣшительно неотвратимою необходимостью. Но съ другой стороны, какъ бы то ни было, онъ представляетъ собою

¹⁾ С. Сигеле. Цитованное сочиненіе, стр. 124.

именно силу. Примѣръ, образецъ—это самый краснорѣчивый проповѣдникъ и самый искусный учитель жизни, проповѣдникъ, котораго всѣ охотно слушаютъ, наставникъ, котораго всѣ скоро и легко понимаютъ. Наша природа вообще устроена такимъ образомъ, что мы гораздо болѣе склонны бываемъ слѣдовать тому, что видимъ, нежели тому, что слышимъ или узнаемъ независимо отъ примѣра. Правила, наставленія и совѣты дѣйствуютъ преимущественно на умъ и обогащаютъ насъ только болѣе или менѣе отвлеченными, сухими, формальными познаніями, которыя въ самомъ лучшемъ случаѣ лишь «принимаются нами въ свѣдѣнію». Отвлеченная идея, хотя бы истинная и прекрасная, именно по самой этой своей отвлеченности, безсильна воздѣйствовать на жизнь, ибо идея—*еще не сила*. Между тѣмъ живые, совершающіеся непосредственно на нашихъ глазахъ или же передаваемые намъ другими человѣческіе поступки, въ которыхъ идея сливается съ волею человѣка, возбуждаютъ и окрыляютъ дѣятельность нашего воображенія, согрѣваютъ чувствами неподдѣльнаго умиленія и восхищенія наше сердце, будятъ и укрѣпляютъ спящую энергію нашей воли, однимъ словомъ—охватываютъ собою все наше существо и потому именно, нерѣдко даже помимо всякаго нашего сознательнаго участія или намѣренія, немедленно же вызываютъ подражаніе себѣ съ нашей стороны. Десятки страницъ основательнѣйшихъ разсужденій не скажутъ того, что скажетъ одинъ удачный примѣръ. Если такъ можно выразиться, ученіе только ведетъ, примѣры же *влекутъ* къ дѣятельности, влекутъ силою своей «нравственной наглядности», духовной мощи, красоты, свѣжести и разнообразія тѣхъ впечатлѣній, которыя вызываются ими въ нашей душѣ.

«*Exempla trahunt*—примѣры увлекаютъ». Это великое жизненное правило прекрасно понято и нашло для себя превосходнѣйшее выраженіе въ христіанствѣ. Вѣра не можетъ

держаться на одномъ только ученіи, какъ бы ни было оно чисто и возвышенно. Собраніе догматовъ можетъ проповѣдывать совершеннѣйшую жизнь, но самой этой жизни въ нихъ еще нѣтъ. И вотъ мы видимъ, что вся жизнь Христовой Церкви—въ Лицѣ ея Основателя, Богочеловѣка Христа, въ Коемъ воплотилось и явилось человѣку полное чарующей красоты и привлекательности, вѣчно идеальное Божественное Существо. Если бы искупительная дѣятельность Спасителя ограничилась однимъ лишь Его проповѣдничествомъ, мы, безъ сомнѣнія, удивлялись бы несравненной *святости и высотъ возвышенныхъ Имъ міру* въ Евангеліи *«глаголовъ живота вѣчнаго»* и, можетъ быть, даже съ большимъ усердіемъ приносили бы дань своей хвалы и уваженія величайшему Пророку Учителю изъ Назарета... Но въ тоже время мы съ мучительнымъ недоумѣніемъ и невыразимою грустью останавливались бы передъ этимъ роковымъ вопросомъ: «какъ намъ взять и нести на себѣ легкое, по увѣренію Господа, иго Его божественныхъ заповѣдей»? Евангельское ученіе было бы тогда очаровательнѣйшею изъ грезъ, какія когда либо рѣяли надъ человѣчествомъ, но эта греза... только усиливала бы, обостряла бы въ людяхъ и безъ того всегда присущее имъ сознаніе крайней бѣдности, ограниченности и беспомощности человѣческой природы.

Къ великому нашему утѣшенію, Евангеліе заключаетъ въ себѣ радостную вѣсть не о томъ лишь, *«чему училъ»*, но и о томъ, *«что дѣлалъ»* Иисусъ ¹⁾. Оно свидѣтельствуетъ міру, что всякая черта, каждая іота божественнаго ученія Господа воплощена, раскрыта и запечатлѣна Его божественными дѣлами. Уча и проповѣдуя, Онъ далъ также Своимъ послѣдователямъ исполненный невыразимаго очарованія при-

¹⁾ Дѣян. Апост. 1, 1.

мѣрь, чтобы и мы дѣлали тоже, что дѣлалъ Онъ намъ ¹⁾, оставилъ намъ совершеннѣйшій образецъ, чтобы мы слѣдовали по Его стопамъ... И какой мудрецъ будетъ въ состояніи исчислить милліоны людей, которые промѣняли все на драгоценнѣйшее счастье грустнаго взора Богочеловѣка Христа, съ небесною вротостію и любовію склоняющагося надъ всякимъ несчастнымъ? Есть ли въ мірѣ болѣе властно покоряющій человѣческую душу, болѣе отрадный и желанный для нея призывъ, чѣмъ это безпредѣльно нѣжное и божески-согласительное слово Голгоетскаго Страдальца: «привидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. *Научитесь отъ Меня...* и вы найдете покой вашимъ душамъ»?

«Пускай страдальческую грудь

Волнуютъ страсти роковыя,—

Душа готова, какъ Марія,

Къ ногамъ Христа на вѣкъ прильнуть» ²⁾.

Таково таинственное вліяніе на человѣческія сердца предвѣчнаго Слова, которое для нашего наученія истинѣ, добру и Божьей правдѣ «стало плотію», т. е. въ человѣческомъ образѣ обитало и дѣйствовало среди людей. На чемъ оно основано? Изъ какого неизсякающаго источника почерпается его животворящая сила? Изъ свѣтлѣйшаго *примѣра* жизни Иисусовой!

«Для русской народной души» —выразился гдѣ то хорошо знавшій и беззавѣтно любившій русскій народъ Фед. Мих. Достоевскій— «измученной трудомъ и горемъ, а главное—всгдашнею несправедливостію и всегдашнимъ грѣхомъ, какъ своимъ, такъ и міровымъ, нѣтъ сильнѣе потребности и утѣшенія, какъ обрѣсти святыню или святого, пасть предъ нимъ и поклониться ему». Эти слова великаго писателя справедливы не только въ приложеніи къ одному простому нашему

¹⁾ Іоан. 13, 15.

²⁾ Тютчевъ, Ф. И. Стихотворенія, стр. 149.

люду, который, какъ извѣстно, обнаруживаетъ поразительное вниманіе и любовь къ житіямъ свв. угодниковъ Божіихъ и весь жизненный идеалъ котораго исчерпывается несложнымъ, но глубоко-содержательнымъ стремленіемъ — «жить по Божьи». «Святая Русь», святость народа — вотъ высшая цѣль, о достиженіи которой въ сокровенныхъ тайникахъ своего духа мечтаетъ въ лучшія минуты жизни всякій безъ исключенія истинно-русскій человѣкъ. «Божье дѣло» — у насъ высшая оцѣнка человѣческихъ трудовъ; «Божій человѣкъ» — самый лестный отзывъ о людяхъ! ¹⁾... Даже и тѣ слои нашей интеллигенціи, которые по разнымъ причинамъ произвели коренную переоцѣнку перешедшихъ къ намъ отъ предковъ вѣковыхъ святынь и замѣтно откололись во всемъ отъ духовно-благодатнаго единенія съ Церковію, даже и эти либерально настроенные слои русскаго образованнаго общества проявляютъ въ своихъ убѣжденіяхъ и дѣятельности «нѣчто такое, что рѣшительно не позволяетъ принимать ихъ какъ силу, чуждую свѣта Христова, силу, вдохновенную одною только богоотступною гордостью». «Не входящая въ Церковь интеллигенція», по мѣткому замѣчанію одного нашего начинающаго публициста, Валентина Александр. Тернавцева, «отдала себя дѣлу безрелигіознаго общественнаго спасенія. Въ своей общественной совѣсти, въ литературѣ, въ типахъ героевъ, въ пониманіи ихъ судьбы — она создала обличеніе всякаго личнаго счастья, построеннаго на несчастіи другихъ людей. Неправдой и тяготой жизни всѣхъ слоевъ общества, отъ высшихъ до самыхъ низшихъ, она обременяетъ совѣсть читателя, совершая тѣмъ въ этой совѣсти несказанныя расширенія» ²⁾. Требуя чуть ли

¹⁾ Свящ. Григ. Петровъ. Къ свѣту! Изд. 2. Москва 1902 г. стр. 13. Перифразъ.

²⁾ Тернавцевъ. «Великая задача Церкви». См. сочин. Сер. Шарапова. Вып. 18 (т. VI), «Яровыя», стр. 45.

не аскетической вѣрности своему идеалу и совершенной безукоризненности на своемъ пути отъ себя и своихъ вождей, эта отрицательно относящаяся къ церковно-народнымъ задачамъ интеллигенція готова бываетъ тотчасъ же отвернуться отъ своихъ руководителей, какъ только начинаетъ чувствовать, что слова у нихъ идутъ въ разрѣзъ съ дѣломъ. Такъ было развѣнчано уже немало иногда поистинѣ замѣчательныхъ личностей. Не очевидно ли отсюда для всякаго, что и здѣсь стихійно обнаруживается общерусская жажда святой, Божьей жизни? Не свидѣтельствуетъ ли это безпощадное развѣнчиванье интеллигенціей не оправдавшихъ ея высокихъ требованій кумировъ, что и ей въ высшей степени присуща та непреодолимая «потребность обрѣсти святыню или святого и поклониться ему», которая такъ прозорливо была подмѣчена въ русской народной душѣ О. М. Достоевскимъ?

II.

Вопросъ теперь въ томъ: гдѣ же найдутъ себѣ надежныхъ руководителей смиренные духомъ, сиротливо скорбящіе о своей грѣховности, палимые безконечной жаждой высочайшей правды искатели путей къ истинно-человѣческой жизни или, что тоже,—пути въ свѣтлѣющую даль Божьяго царства непреложной истины, нетлѣнной красоты, вѣчно пребывающаго добра? Чей примѣръ вдохновить, ободрить и окрылить ихъ въ трудномъ восхожденіи на духовную высоту, съ которой нестрашна уже сила соблазна лукаваго,

Но гдѣ ярко «сіяютъ лучи незакатные
Правды небесной и помысла праваго» ¹⁾?

Однимъ изъ наиболѣе излюбленныхъ источниковъ, къ которымъ въ наше время принято обращаться въ поискахъ

¹⁾ К. Фофановъ. Стихотворенія.

за жизненными идеалами, бесспорно, является новѣйшая художественная и публицистическая литература. Вообще нужно сказать, что—при общей склонности къ легкому и занимательному, не утруждающему мысли чтенію—печать, особенно повседневная, приобрѣла у насъ никогда не бывалое раньше значеніе, съ которымъ едва ли можетъ сравняться воспитательное вліяніе Церкви, общества, школы и зрѣлой науки... Какъ выразился одинъ нѣмецкій писатель Тодтъ, «она бесѣдуетъ обо всемъ, что совершается на небѣ, на землѣ и подъ землею»¹⁾. Ей нерѣдко повѣряются даже интимнѣйшія стороны душевной жизни. Въ ней привыкли искать отвѣтовъ на всѣ такъ называемые злободневные вопросы; по ней учатся жить, чувствовать и понимать себя и людей...

Что же? Дѣйствительно ли чисты и живительны струи этого широко, широко разливающегося по лицу нашей дорогой Родины источника? Куда ведутъ насъ литературные герои романовъ, повѣстей, драматическихъ пьесъ и разныхъ другихъ произведеній изящной словесности, которыя въ ужасающемъ количествѣ появляются ежедневно на литературномъ рынкѣ, а затѣмъ по возможно болѣе общедоступной цѣнѣ, съ помощью самой крикливой рекламы, усерднѣйшимъ образомъ распространяются по преимуществу въ малоразвитыхъ простонародныхъ массахъ, а также среди подросткающаго поколѣнія остальныхъ слоевъ нашего общества?

Гр. Левъ Ник. Толстой, характеризуя современное состояніе литературы въ своемъ предисловіи къ роману Фонъ-Поленца «Крестьянинъ», говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Если въ наше время умному молодому человѣку изъ народа, желающему образоваться, дать доступъ ко всѣмъ книгамъ, журналамъ, газетамъ и предоставить его самому

¹⁾ Православное Обозрѣніе 1885 г. Май—Іюнь, стр. 187.

себѣ въ выборѣ чтенія, то всѣ вѣроятія за то, что онъ, въ продолженіе десяти лѣтъ неуставно читая каждый день, будетъ читать все глупыя и безразличные книги. Попасть на хорошую книгу ему такъ же мало вѣроятно, какъ найти замѣченную горошину въ мѣрѣ гороха¹⁾. Спору нѣтъ—приведенный отзывъ безпощадно суровъ, но—обратите вниманіе:—онъ принадлежитъ такому высокоавторитетному въ данной области критику, не считаться съ мнѣніемъ котораго—невозможно.

Было бы, разумѣется, большою несправедливостью отрицать или даже просто пытаться умалить великое благотворное значеніе для нашей личной и общественной жизни тѣхъ безупречныхъ «рыцарей писательскаго долга», которые видѣли свое писательское призваніе въ томъ же, въ чемъ видѣлъ его недавно чествовавшійся всею Россіей великій поэтъ-христіанинъ Вас. Анд. Жуковский, когда сказалъ о себѣ словами поэта Васко въ «Камоэнсъ»:

Нѣтъ, нѣтъ! Не счастья, не славы здѣсь
Ищу я: быть хочу крыломъ могучимъ,
Подъемающимъ родныя мнѣ сердца
На высоту; зарей, побѣду дня
Предвозвѣщающей; великихъ думъ
Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
Лекарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,
И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ

¹⁾ «Крестьянинъ», ром. Фонъ-Поленца. Пер. съ нѣмецк. В. Величкиной Москва, 1902 г., стр. IX. Интересно сопоставить съ приведеннымъ мнѣніемъ Л. Толстого слѣдующія слова Митрополита Московскаго Филарета: «Если хотя за одинъ годъ взять все худое изъ свѣтскихъ журналовъ и соединить, то будетъ такой смрадъ, противъ котораго трудно найти довольно ладона, чтобы заглушить оный». «Сборникъ мыслей и изреченій Митрополита Моск. Филарета, извлеченныхъ изъ переписки его съ разными лицами». Москва 1897 г., стр. 53.

Задержнуть, чтобы порой для смертныхъ глазъ
Ее приподымать и святость жизни
Являть во всей красѣ ея небесной» ¹⁾.

Писатели, которые, по мѣрѣ своего богодарованнаго таланта, «ведутъ насъ въ бой съ неправдою и тьмою, въ суровый, грозный бой за истину и свѣтъ», безъ всякаго сомнѣнія, внесли драгоцѣннѣйшій даръ въ сокровищницу русскаго художественнаго творчества и приобрѣли себѣ полное право на нескончаемую признательность потомковъ.

Но кому же изъ насъ однако неизвѣстно, что ряды литературнаго лагеря, поставившаго своею задачей воплощать въ художественныхъ типахъ идеальныя стремленія человѣческаго сердца или силою глубокаго психологическаго анализа раскрывать сознаніе достоинства своей личности и възгрѣвать святую «искру Божию» въ самыхъ послѣднихъ, повидимому, окончательно забытыхъ судьбой и нравственно погибшихъ отверженцахъ человѣчества, сравнительно очень рѣдки и малочисленны? Было бы также весьма интересно и поучительно выяснитъ вотъ какой вопросъ: литературныя произведенія, заключающія въ себѣ вѣчное завѣщаніе на вѣру въ Бога, на любовь къ добру и правдѣ, на благоговѣніе предъ всѣмъ высокимъ и прекраснымъ, эти вдохновенныя откровенія глашатаевъ вѣчной истины пользуются ли въ современномъ обществѣ и сотою долей того вниманія, какого они заслуживали бы какъ по своимъ несравненнымъ внѣшнимъ качествамъ, такъ въ особенности по своему превосходному, полному бодрящаго духовнаго свѣта, внутреннему содержанію? Впрочемъ и этого здѣсь еще мало. Важнѣе всего въ настоящемъ случаѣ то, что даже наиболѣе благородные и достойные на-

¹⁾ Полное собраніе сочиненій В. А. Жуковскаго въ 12-ти томахъ. Изд. А. Ф. Маркса. С.-Петербургъ, 1902 г. т. 5, стр. 109—110.

шего уваженія литературные герои въ дѣйствительности оказываются только болѣе или менѣе высокими представителями такъ наз. естественной нравственности и вовсе не могутъ быть признаны носителями истинно-христіанской святости, дѣлающей нѣкогда грѣховнаго, оземленившагося человѣка какъ бы новымъ твореніемъ въ Іисусѣ Христѣ. Появленіе ихъ на разныхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности было бы зарею благодатнаго дня, когда

«Не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,

«Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,

«Ни нужды безпросвѣтной, мертвящей нужды,

«Ни меча, ни позорныхъ столбовъ» ¹⁾,

но не съ ихъ еще приходомъ начался бѣ этотъ желанный день всечеловѣческаго совершенства и счастья. Таящаяся въ глубинѣ ихъ духовнаго существа «искра Божія», правда, уже распространяетъ вокругъ себя свѣтъ и тепло, влечетъ наши симпатіи и укрѣпляетъ нашу вѣру въ достоинство человѣческой природы, но она еще не разгорѣлась въ яркое всеобщающее пламя богоподобія, завѣщаннаго Спасителемъ человечеству въ этой вѣковѣчной заповѣди: «будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный» ²⁾. Не передъ Муравьевыми, Костанжогло, Штольцами, Тушиными, Лаврецкими, Левиными, Нехлюдовыми и имъ подобными падетъ во прахъ, не имъ поклонится съ чувствами радостнаго умиленія и благоговѣйнаго восторга пламенно ищущая истинной святости душа русскаго народа-Богоносца! Стремясь къ подвигу и сознавая свое безсиліе, она прибѣгаетъ къ помощи святыхъ мужей, которые сіяютъ незапятнанной чистотой ума и сердца, производятъ непобѣдимое очарованіе совершенной непорочности,

¹⁾ Надсонъ, С. Я. Стихотворенія. Изд. 17. СПбургъ, 1899 г. стр. 48.

²⁾ Матѳ. 5, 48.

мужественно побѣдили всѣ прираженія зла и увѣнчались за это неувядаемыми вѣнцами небесной славы...

Нынѣ могущественнѣйшее вліяніе на духовно-нравственное развитіе общества и въ особенности его подростающихъ поколѣній оказываютъ многочисленные представители литературной школы, которая ставитъ своею задачей якобы безусловно-правдивое изображеніе жизни, какъ она есть, безъ всякихъ искусственныхъ прикрасъ и какой бы то ни было преднамѣренной идеализаціи.

Самыми даровитыми и популярными выразителями этого направленія въ современной беллетристикѣ являются А. П. Чеховъ и М. Горькій, особенно послѣдній, между почитателями крупнаго таланта котораго есть люди, горячо и совершенно искренно убѣжденные въ томъ, что Горькій не только стоитъ рядомъ съ «великимъ писателемъ земли Русской», гр. Л. Н. Толстымъ, но даже выше его! Какія же убѣжденія и идеалы внушаютъ они намъ своими прославленными, въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ распространившимися по Руси, произведеніями?

Чехова часто называютъ пессимистомъ, и это въ значительной степени справедливо. Тяжелое, подавляющее впечатлѣніе оставляетъ онъ въ душѣ читателя своей безпопачно-холодной, леденящей живописью чада, мрака и позора жизни. Сѣрая, скучная, мелкая и бѣдная духомъ жизнь эта—внушаетъ намъ Чеховъ—создаетъ лишь тусклыхъ, «низенькихъ», убогихъ въ духовномъ отношеніи, «лишнихъ» и «хмурыхъ» людей. «Городъ нашъ» — говоритъ Андрей Прозоровъ въ извѣстнѣйшей драмѣ Чехова «Три сестры» — существуетъ уже двѣсти лѣтъ, въ немъ сто тысячъ жителей, и ни одного, который не былъ бы похожъ на другихъ, ни одного подвижника ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, ни одного ученаго, ни одного художника, ни мало-мальски замѣтнаго человѣка, который

возбуждалъ бы зависть, или страстное желаніе подражать ему... Только ѣдятъ, пьютъ, спятъ, потомъ умираютъ..... родятся другіе и тоже ѣдятъ, пьютъ, спятъ, и, чтобы не отупѣть отъ скуки, разнообразять жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничествомъ, и жены обманываютъ мужей, а мужья лгутъ, дѣлаютъ видъ, что ничего не видятъ, ничего не слышатъ, и неотразимо пошлое вліяніе гнететъ дѣтей и искра Божія гаснетъ въ нихъ, и они становятся такими же жалкими, похожими другъ на друга мертвецами, какъ ихъ отцы и матери» ¹⁾. «Едва начавши жить, становимся скучны, сѣры, неинтересны, лѣнны, равнодушны, бесполезны, несчастны»... ²⁾. Эта безпросвѣтно-мрачная характеристика вполне приложима ко всѣмъ почти дѣйствующимъ лицамъ чеховскихъ пьесъ, рассказовъ и повѣстей. Человѣчество—въ ихъ изображеніи—это толпа безъ героевъ, каждый отдѣльный членъ которой находится всецѣло во власти среды и случая. Если въ этой скучной толпѣ и появится невзначай одаренный больше другихъ и носящій въ себѣ Божью искру героическаго порыва, капельку жажды подвига и совершенства человѣкъ, то черная, зловонная «яма» жизни, необозримое болото всякой пошлости, невѣжества, хамства и рабскаго духа все равно рано или поздно затянетъ его въ свою страшную глубину... Припомните исповѣдь, съ которой Ивановъ, герой драмы того же названія, за нѣсколько минутъ до своего трагическаго самоубійства обращается къ отцу своей невѣсты Саши—Лебедеву: «Слушай, бѣдняга... объяснять тебѣ, кто я—честенъ или подлъ, здоровъ или психовать, я не стану. Тебѣ не втолкуешь. Былъ я молодымъ, горячимъ, искреннимъ, неглупымъ; лю-

¹⁾ А. Чеховъ. Три сестры. Драма въ 4 дѣйствіяхъ. 3 изд. Маркса. СПБ. 1901 г. стр. 95.

²⁾ ibidem.

билъ, ненавидѣлъ и вѣрилъ не такъ, какъ всѣ, работалъ и надѣялся за десятерыхъ, сражался съ мельницами, бился лбомъ объ стѣны; не соразмѣривъ своихъ силъ, не разсуждая, не зная жизни, я взвалилъ на себя ношу, отъ которой сразу захрустѣла спина и потянулись жилы; я спѣшилъ расходовать себя на одну только молодость, пьянѣлъ, возбуждался, работалъ, не зная мѣры. И скажи: можно ли было иначе? Вѣдь насъ мало, а работы много, много! Боже, какъ много! И вотъ, какъ жестоко мститъ мнѣ жизнь, съ которою я боролся! Надорвался я! Въ 30 лѣтъ уже похмелье; я старъ, я уже надѣлъ халатъ. Съ тяжелою головою, съ лѣнливою душой, утомленный, надорванный, надломленный, безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, какъ тѣнь, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачѣмъ живу, чего хочу? И мнѣ уже кажется, что любовь—вздоръ, ласки приторны, что въ трудѣ нѣтъ смысла, что пѣсня и горячія рѣчи пошлы и стары. И всюду я вношу съ собою тоску, холодную скуку, недовольство, отвращеніе къ жизни... Погибъ безвозвратно! Передъ тобою стоитъ человѣкъ, въ 35 лѣтъ уже утомленный, разочарованный, раздавленный своими ничтожными подвигами... онъ сгораетъ со стыда, издѣвается надъ своею слабостью... О, какъ возмущается во мнѣ гордость, какое душить меня бѣшенство... ¹⁾ Трудно представить себѣ болѣе мучительный и безнадежный вопль сраженной жизненнымъ зломъ человеческой души. Но пасть подъ ударами житейскихъ невзгодъ, потерять вѣру и энергію, «поддаться слабодушію и по уши увязнуть въ гнусной меланхоліи» ²⁾—печальный удѣлъ не одного только несчастнаго Иванова. «Въ двадцать лѣтъ» —замѣчаетъ онъ въ другомъ случаѣ, при другомъ сво-

¹⁾ Сочиненія А. Чехова. т. 7. Пьесы. Изд. Маркса. С.-Петербургъ. 1901 г. стр. 116.

²⁾ *ibid.* стр. 112.

емъ разговорѣ съ тѣмъ же Лебедевымъ — «мы всѣ уже герои, за все беремся, все можемъ, и къ тридцати уже утомляемся, никуда не годимся» ¹⁾. Жизнь, значить, всѣхъ принижаетъ, давитъ и засасываетъ, все превращаетъ въ одно сплошное грязно-сѣрое пятно, отовсюду даетъ слышать лишь безнадежно-тоскливые мотивы совершенной беспомощности. Такъ именно понимаетъ смыслъ сочиненій Чехова известный французскій критикъ и знатокъ Россіи Вогиюэ: Чеховъ, по его мнѣнію, какъ будто говоритъ своимъ читателямъ и зрителямъ: «взгляните, я хочу позабавить васъ, раскрывъ передъ вами все, что есть наиболѣе низкаго, скучнаго въ вашей странѣ, въ вашей ежедневной будничной жизни. Всѣ вы, какъ и мои герои, жаждете выбраться изъ этого грязнаго болота, а я погружу васъ туда на нѣсколько часовъ и докажу вамъ, что выкарабкаться оттуда невозможно» ²⁾.

У одного изъ числа любовно и свѣтло глядящихъ на Божій міръ нашихъ поэтовъ мы находимъ такое радостное, бодрящее душу увѣреніе:

«Есть добрыя сердца, есть свѣтлые умы,
Они сіяютъ намъ, какъ утра блескъ багряный;
Въ хаосъ шумныхъ дѣлъ, среди житейской тьмы
Ихъ голоса звучать торжественной осанной» ³⁾.

Неужели же это только золотой сонъ жизнерадостно настроеннаго сердца поэта? Развѣ же не больше, какъ только пустая, вздорная выдумка досужей фантазіи хотя бы, напри-
мѣръ, эти сотни священниковъ, учителей, докторовъ, студентовъ, земскихъ дѣятелей и женщинъ особаго новаго типа,

¹⁾ Ibid. стр. 92.

²⁾ А. Чеховъ. Этюдъ виконта Е. М. де-Вогиюэ. Пер. съ франц. Вл. Г. Москва. 1902 г., стр. 20.

³⁾ Свѣточи русской поэзіи. Изд. А. И. Мамонова. Москва. 1899 г. Сочетъ К. Фофанова, стр. 58.

которые—не при ослѣпительномъ блескѣ фейерверковъ и бенгальскихъ огней, безъ всякой крикливой рекламы, а нерѣдко даже и безъ самаго маленькаго сочувствія—съ удивительнымъ самоотверженіемъ обслуживаютъ въ тишинѣ и смиреніи разные забытые всѣми «медвѣжьи углы» Россіи въ годины недородовъ, повальныхъ болѣзней и всякихъ стихійныхъ общественныхъ бѣдствій, особенно зачистившихъ у насъ въ послѣдніе годы? Кто не читалъ, не слышалъ или не знаетъ ничего по личному опыту о подобныхъ апостолахъ братской христіанской любви, совершающихъ свое святое дѣло посильнаго служенія ближнимъ безъ малѣйшей мысли о широкой извѣстности и популярности, не для людской благодарности и славы, а единственно предъ очами Божиими, ради прославленія Отца нашего, иже на небесѣхъ?

Начните крѣпко-на-крѣпко закрывать свои глаза предъ «тихими дѣлами», передъ скромными положительными явленіями жизни; повѣрьте безъ колебаній, что она дѣйствительно такова, какою представляютъ намъ ее писатели—пессимисты, и вы почти неизбежно сами превратитесь въ «лишняго» человѣка, человѣка—«неудачника», надъ которымъ не будетъ уже мѣста ни свѣтлымъ, плѣнительнымъ надеждамъ, ни благодарнымъ слезамъ...

Это не преувеличеніе, не боязнь страховъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ въ дѣйствительности. Никто не станетъ усиливаться схватить руками солнце, потому что каждый очень хорошо знаетъ, какъ подобныя усилія были бы смѣшны и бесполезны. И въ духовной жизни для личнаго совершенствованія безусловно необходимо вѣрить, что оно возможно и доступно, что идеаль близко и отъ насъ самихъ зависитъ, достичь его или нѣтъ, остаться въ прежнемъ нравственномъ состояніи или же шагъ за шагомъ постепенно подвигаться впередъ по пути къ истинѣ, добру, правдѣ и душевному

миру... А пророки толпы, «вожди поколѣнія» — съ авторитетомъ недопускающей возраженій непогрѣшимости — изо дня въ день настойчиво повторяютъ мечтателямъ-идеалистамъ: Подавите свои несбыточные желанія, оставьте навсегда свои ребячески-наивныя мечты. Милліоны милліоновъ людей томилась, томится и безъ конца должны изнывать во мракѣ, злѣ и всякой пошлости, не будучи въ состояніи хоть сколько нибудь измѣнить къ лучшему свое безотрадно-трагическое положеніе. Неужели же послѣ этого вы, постоянно вращаясь въ испорченной и одряхлѣвшей средѣ, и сами нравственно дряблые и безсильные — надѣетесь стать умнѣе, выше, счастливѣе другихъ?... «Выбирайте себѣ что нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишнихъ звуковъ. Вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше... Не воюйте вы въ одиночку съ тысячами, не сражайтесь съ мельницами, не бейтесь лбомъ о стѣны... Да хранить васъ Богъ отъ всевозможныхъ раціональныхъ хозяйствъ, необыкновенныхъ школъ, горячихъ рѣчей... Запритесь себѣ въ свою раковину и дѣлайте свое маленькое, Богомъ данное дѣло...» ¹⁾ Васъ затинетъ обывательская, презрѣнная жизнь; она своими гнилыми испареніями отравитъ вашу кровь, и вы станете такими же пошляками, какъ всѣ ²⁾. «Тѣ, которые будутъ жить черезъ сто, двѣсти лѣтъ послѣ насъ и которые будутъ презирать насъ за то, что мы прожили свои жизни такъ глупо и такъ безвкусно, — тѣ, быть можетъ, найдутъ средство, какъ быть счастливыми, а мы... У насъ только одна надежда и есть, надежда, что когда мы будемъ почивать въ своихъ гробахъ, то насъ посѣтятъ видѣнія, быть можетъ, даже пріятныя...» ³⁾.

¹⁾ Совѣтъ Иванова Львову въ драмѣ «Ивановъ». Сочиненія А. Чехова. т. 7, стр. 54—55.

²⁾ *ibid.* стр. 251.

³⁾ Слова Астрова Войницкому въ драмѣ «Цѣдя баня». *ibid.* стр. 250.

«Нѣтъ защиты отъ судьбы». Главнѣе всего — «не мудствовать, а жарить по шаблону! Шаблонъ великое дѣло!»¹⁾

Многими ли не овладѣетъ нравственная оторопь и чувство отупѣлой безнадежности въ виду такихъ убійственно-безотрадныхъ увѣреній? Многие ли сохраняютъ еще въ себѣ силы для новыхъ порывовъ въ страну святыхъ идеаловъ, для прежней животворной вѣры въ божественное достоинство и красоту человѣческой природы? Не скорѣе ли всего нужно опасаться, что подобная проповѣдь оставитъ за собой на душѣ ржавчину тоски и тупого равнодушія ко всему; значительно ослабитъ бодрость и упругость нашего ума, скуетъ нашу волю и наше сердце отравитъ ядомъ мучительнѣйшихъ сомнѣній въ самомъ существованіи вѣчной истины, добра и правды? И кто знаетъ, не опустятся ли невольны наши руки, не сложимъ ли мы безпомощно и безнадежно свое оружіе, когда злой духъ-искуситель, пользуясь нашимъ минутнымъ отчаяніемъ, предательски подскажетъ намъ обычныя извиненія всѣхъ малодушныхъ нарушителей жизненнаго долга: «одинъ въ полѣ не воишь»; «отъ судьбы не уйдешь»?... А возможенъ и еще худшій исходъ. Легко можетъ случиться, что нравственно-слабый и болѣзненно-впечатлительный человѣкъ, наслушавшись постоянныхъ пессимистическихъ рѣчей о томъ, что «не стоитъ работать», что всѣ наши усилія ни къ чему не ведутъ, что жизнь — пуста и безцѣльна, скажетъ себѣ:

«Пусть сгинетъ все, къ чему сурово

Такъ долго духъ готовленъ былъ...

Слабѣйте силы! вы ненужны!

Усни ты, духъ, давно пора!»²⁾

скажетъ — и заснетъ непробуднымъ сномъ смерти...

¹⁾ А. Чехонъ. т. I. Разсказы, стр. 149.

²⁾ Стихотвореніе И. Аксакова. Взято нами изъ сочин. А. Бороздина «Сто лѣтъ литературнаго развитія. Характерист. русской литературы XIX столѣтія». СПБ. 1900 г., стр. 51.

Но не одному лишь нравственному усовершенствованію личности можетъ служить большою помѣхою пессимистическая литература. Настроеніемъ отдѣльныхъ индивидуумовъ обусловливается и опредѣляется настроеніе и цѣлыхъ обществъ... Всѣ знаютъ, что такое паника въ войскахъ, для которой иногда вполне достаточно нѣсколькихъ трусовъ. Но паника не есть исключительная принадлежность войны. Это психическое состояніе въ разныхъ проявленіяхъ присуще человѣчеству и въ мирное время, если многіе члены общества доведены до унынія и отчаянія. «Еще сильный и вооруженный для труда, народъ вдругъ опускаетъ руки и становится первымъ измѣнникомъ себѣ. Онъ погружается въ лѣнь, пьянство, въ мелкое хищничество и нравственную спячку. Самыя дорогія пріобрѣтенія культуры рушатся. Живые люди становятся «бывшими людьми», не варварами, а чѣмъ то хуже дикарей, ибо у дикарей есть боги, семья, очагъ, занятія, у людей же культурнаго разложенія—ничего»¹⁾).

Наша современная пессимистическая беллетристика зоветъ насъ къ жизни, напоминающей собою мертвый штиль Востока. Еще опаснѣе, еще пагубнѣе для нашего духовнаго развитія громкій призывъ, который обращаетъ къ русскому народу талантливый бытописатель и восторженный пѣвецъ босаячества М. Горькій вмѣстѣ съ другими новѣйшими представителями художественной и публицистической литературы, въ большей или меньшей степени усвоившими себѣ «сверхчеловѣческіе» идеалы нѣмецкаго философа Фридриха Ницше.

Всѣ ихъ симпатіи и надежды—въ царствѣ удалыхъ, мощныхъ, полныхъ безмѣрной гордости и холоднаго презрѣ-

¹⁾ М. Меньшиковъ. Изъ писемъ къ ближнимъ. XL. Сила вѣры. «Новое Время» 1902 г. № 9551.

нія, свободныхъ, какъ вѣтеръ и птицы, титаническихъ натуръ въ родѣ Челкашей... Силановъ Петровыхъ... Промтовыхъ... Коноваловыхъ... Артемовъ... Изергилей и Мальвъ... Въ этой темной и удушливо-смердной средѣ «потомственныхъ» алкоголиковъ и кавалеровъ ордена зеленого змѣя¹⁾, ловкихъ и смѣлыхъ воровъ, убійцъ, профессиональныхъ уличныхъ бродягъ и продажныхъ женщинъ нищенствующіе писатели то и дѣло показываютъ намъ чарующія проявленія всякаго душевнаго героизма, проблески ничѣмъ не утолимою жажды правды, глубокой искренности, беззавѣтной рѣшимости покончить по своему со всѣмъ, противъ чего возмущается горячее вольнолюбивое сердце подобныхъ отверженцевъ человечества. Насъ увѣряютъ, что всѣ эти «бывшіе люди» — «народъ благородный, хотя и продувныя бестіи»²⁾. Въ противоположность культурнымъ «мизернымъ» людямъ съ мертворожденными сердцами³⁾ они — плѣнные орлы, носители высшихъ человѣческихъ стремленій и новой морали, творцы будущаго, которымъ только роковыя условія нашего общественнаго устройства не позволяютъ свободно развернуть свои могучія крылья и изумить одряхлѣвшій міръ своими неслыханными героическими подвигами. Какими? По всей вѣроятности, похожими вотъ, напимѣръ, на эти: — «Эхъ, братъ, коли бы теперь тысячу рублей море мяѣ швырнуло — баць! Сейчасъ открылъ бы кабакъ; тебя въ приказчики, самъ устроилъ бы подъ стойкой постель и прямо изъ боченка въ ротъ себѣ трубку провелъ. Чуть захотѣлось поспить отъ источника веселія и радости, сейчасъ я тебѣ команду: Максимъ, отверни кранъ! — и... буль, буль, буль прямо въ горло! Глотай,

¹⁾ М. Горькій. Мѣщане. Сцены въ домѣ Бесѣменова. Драм. эскизы въ 4 актахъ. Изд. 4-е С.-Петербургъ. 1902 г. стр. 113.

²⁾ М. Горькій. Рассказы. Т. I. С.-Петербургъ 1900 г. стр. 193.

³⁾ *ibid.* стр. 132.

Емеля! Хорошее дѣло, бѣсъ меня удави! А мужика бы этого, черноземнаго барина—ухъ ты!... грабь... дери шкуру!... выворачивай наизнанку» ¹⁾. Или: «А клюкнутъ денежнаго человѣка по башкѣ—что ни говори—пріятно; особенно ежели умѣючи дѣло обставить...» ²⁾. Или: «Какіе всѣ вы мерзавцы, мужичины. Растоптала бы я васъ всѣхъ, изувѣчила. Издыхай который изъ васъ... плюнула бы въ морду ему, а не пожалѣла...» ³⁾. Или: онъ «мечталъ объ универсальной мести всѣмъ и всему» ⁴⁾ ... «Раздробить бы всю землю въ пыль...». «Стать бы выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты. И сказать имъ: Ахъ, вы гады!...» ⁵⁾ и т. д. и т. д.

Не правда ли, осуществить такія мечты и стремленія было бы очень и очень пріятно... только спросимъ мы: кому? Не однимъ ли этимъ счастливымъ, которыхъ Горькій и его К^о признаютъ «творцами духа, обновителями жизни?...». Съ общечеловѣческой же точки зрѣнія, тутъ нѣтъ ни стыда, ни совѣсти, нѣтъ уваженія ни къ чему на свѣтѣ. «Я современіе молодыхъ ногтей моихъ морали терпѣть не могъ» — съ циничной «откровенностью» заявляетъ о себѣ герой разсказа Горькаго «Проходимецъ» — дворянинъ Павелъ Игнатьевъ Промтовъ ⁶⁾. Если не совершенно такое же по буквѣ, то очень сродное по смыслу, признаніе должны были бы сдѣлать и всѣ другіе герои босаяцкаго міра. «Совѣсть» у нихъ—«это сила, непобѣдимая лишь для слабыхъ духомъ; сильные же быстро овладѣваютъ ею и порабащаютъ своимъ желаніямъ, ибо они

¹⁾ М. Горькій. Разсказы. Т. I. стр. 19—20.

²⁾ *ibid.* стр. 24.

³⁾ *ibid.* стр. 140; сравн. его же разсказы т. III, стр. 62.

⁴⁾ М. Горькій. Разсказы. Т. III, стр. 2.

⁵⁾ М. Горькій. Разсказы т. II, «Супруги Орловы» стр. 151.

⁶⁾ Разсказы, т. III, стр. 217.

бессознательно чувствуютъ, что если дать ей просторъ и свободу,—она изломаетъ жизнь» ¹⁾. «Кто силенъ, тотъ самъ себѣ законъ» ²⁾. «Какое мнѣ дѣло до того, что морально и не морально» —разсуждаетъ Промтовъ: «Согласитесь, что ровно никакого дѣла нѣтъ... И вообще я не стѣсняюсь. Зачѣмъ бы мнѣ это? Ради какихъ законовъ, я спрашиваю? Нѣтъ законовъ иныхъ, развѣ во мнѣ. Сіе—мое убѣжденіе» ³⁾. Ихъ основное жизненное правило: «не тотъ святъ, кто отъ грѣха прячется да спокойноненько лежить... Трусостью отъ грѣха не оборонишься... А кто хочетъ отъ жизни толку добиться, тотъ грѣха не боится...» ⁴⁾. «Зачѣмъ уступать другому то, что тебѣ выгодно или пріятно? Вѣдь хотя и говорятъ, что все люди братья, одако, никто не пробовалъ доказать это метрическими справками» ⁵⁾. «Гнѣвъ, ненависть, мужество, стыдъ, отвращеніе и, наконецъ, злое отчаяніе—вотъ рычаги, которыми можно разрушать все на землѣ» ⁶⁾. «Чтобы побѣждать въ борьбѣ за существованіе, человѣкъ долженъ имѣть или много ума, или сердце звѣря» ⁷⁾. «Безумство храбрыхъ—вотъ мудрость жизни!...» ⁸⁾.

Ясно, что идеализируемые Горькимъ герои эгоизма стоять уже «по ту сторону добра и зла», за предѣлами душевнаго благородства и честности, великодушія и состраданія, самоотреченія и беззавѣтной братской любви. Дайте только вольный ходъ и жизненную удачу этимъ желѣзнымъ характерамъ, этимъ стальнымъ нервамъ, которыхъ не разжалобить

¹⁾ М. Горькій. Разсказы. Т. IV. С.-Петербургъ. 1900 г. стр. 1.

²⁾ М. Горькій. Разсказы. Т. I. стр. 185.

³⁾ М. Горькій. Разсказы. Т. III. стр. 211 и 212.

⁴⁾ М. Горькій. Разсказы. Т. IV. стр. 383.

⁵⁾ М. Горькій. Разсказы. Т. III. стр. 200.

⁶⁾ *ibid.* стр. 252.

⁷⁾ *ibid.* стр. 173.

⁸⁾ М. Горькій. Разсказы. Т. I. стр. 240.

никакая чувствительная сцена ¹⁾, не тронетъ никакая беззащитность ²⁾, и вы убѣдитесь, что въ нихъ тотчасъ же просветлится «буйная, похотливая душа раздраженного голодомъ звѣря» ³⁾, что они «волчьими лапами» ⁴⁾, цѣпкими пальцами упругихъ, какъ стальные пружины, рукъ, тяжелыми ударами крѣпко сжатаго мускулистаго кулака отвоюютъ себѣ всякую лакомую для нихъ добычу, чья бы она ни была и гдѣ бы она ни лежала. Въ жадной погонѣ за жирнымъ и смачнымъ кускомъ на жизненномъ пиру они не остановятся передъ насилиемъ, трупами и кровью; ибо—«жизнь—свалка: не надо быть розиней» ⁵⁾. «Сынъ мой милый» — говоритъ Силанъ Петровъ въ разсказѣ «На плотахъ»: «отойди прочь, коли живъ быть хошь! Разорву въ куски, какъ тряпицу гнилую. Ничего отъ твоей добродѣтели не останется» ⁶⁾. «Али это чело-вѣкъ» — разсуждаетъ тамъ же работникъ Сергѣй — «который постоять за себя не умѣетъ! Нужно, братъ, зубы да когти» ⁷⁾... Въ братоубійственной борьбѣ за существованіе здѣсь не задумаются дойти до такого ожесточенія, при которомъ чело-вѣкъ становится волкомъ для чело-вѣка. «Мнѣ случалось не ѣсть» — признается Промтовъ — «по двое сутокъ вряду. И вотъ, когда желудокъ начинаетъ ѣсть самого себя, когда чувствуешь, какъ сохнуть, умирая отъ голода, твои внутренности,—

¹⁾ Припомните хотя бы этотъ эпизодъ въ разсказѣ «Дружки»: у Упова-щаго хлынула кровь... «Шибко идетъ...» еле слышно сказалъ онъ и закаш-лялся, а его спутникъ Пляши-нога при этомъ «цинично и громко ругнулся». Т. III, стр. 187.

²⁾ Для примѣра укажемъ на звѣрское убійство ночью бывшимъ студен-томъ Московскаго университета беззащитнаго, спящаго, полуживого отъ истре-паншей его лихорадки столяра. Т. III, разсказъ «Въ стени».

³⁾ Т. IV, стр. 4.

⁴⁾ Т. I, стр. 76.

⁵⁾ Жизненный девизъ Янычарова въ романѣ Будищева «Я и Онъ», пе-чатавшемся въ «Нов. Времени» за 1902 г.

⁶⁾ М. Горькій. Разсказы. Т. I стр. 257.

⁷⁾ *ibid* стр. 250.

тогда готовъ за кусокъ хлѣба убить человѣка, ребенка... на все готовъ, — въ этой готовности къ преступленію есть своя особая поэзія... Это очень цѣнное ощущеніе, и переживъ его, больше уважаешь себя¹⁾. Не даромъ нашъ уважаемый Воронежскій писатель Е. Л. Марковъ въ своей превосходной характеристикѣ литературной дѣятельности Горькаго выразился такимъ образомъ: «Вы можете смѣло перечитывать рассказы за рассказомъ во всѣхъ 5-ти томахъ его сочиненій, и въ каждомъ непременно найдете ту же господствующую тенденцію, связывающую красною нитью все безъ исключенія типы Горькаго; вездѣ будете видѣть одно и тоже герделово воздвигнутое надъ ихъ головами руководящее знамя, на которомъ авторъ написалъ огромными буквами: «честь и мѣсто острымъ зубамъ, цѣпкимъ когтямъ, беспощадности и ловкости хищнаго звѣря, горе и презрѣніе всѣмъ добрымъ, мягкимъ и кроткимъ»²⁾...

Это ли позорное знамя взять въ свои руки и намъ, чтобы зайти съ нимъ въ непроходимую нравственную глушь откровенно-дерзкаго презрѣнія ко всѣмъ нравственнымъ принципамъ человѣчества, глушь, гдѣ

«Неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей,
Гдѣ разбитъ и поруганъ святой идеаль
И струится невинная кровь»³⁾?

«Сверхчеловѣческая» борьба за блага жизни, можетъ быть, и красива, какъ богатая яркими красками и трагическими положеніями картина, какъ отвлеченное созерцаніе титанической силы, но — согласитесь — наступить безъ жалости и трепета

¹⁾ Т. Ш, стр. 221.

²⁾ Горькія мысли о горькихъ явленіяхъ литературы. (По поводу сочиненій М. Горькаго). «Новое Время» отъ 24 Мая 1902 г. № 9417.

³⁾ Стихотворенія Надсона, стр. 48.

на поверженнаго, хотя бы то и низшаго человѣка, конечно, никогда не осмѣлится и не почтетъ достойнымъ себя ни одинъ истинно высокій человѣкъ. Тѣмъ болѣе не совершилъ бы такого звѣрства носитель непорочной святости, жаждою которой палима просвѣтленная свѣтомъ сіяющей съ вершины Голгоетскаго Креста божественной Любви душа русскаго народа!..

Гимнъ торжествующей нравственной разнузданности, не безъ чарующихъ нотъ искренняго увлеченія пропѣтый свѣжимъ голосомъ писателя «Буревѣстника» вслухъ всей читающей Россіи, въ сущности представляетъ уже собою только неискусно замаскированное проклятіе христіанской морали состраданія и самопожертвованія въ пользу ближнихъ, морали, которую вдохновитель Горькаго Ницше прямо называетъ презрительнымъ именемъ «морали рабовъ». Но современная жизнь идетъ въ этомъ отношеніи еще дальше и даетъ намъ возможность наблюдать нерѣдкіе случаи открытаго предпочтенія язычества христіанству. Вотъ два подобныхъ случая для примѣра.

15 Октября настоящаго года на сценѣ Александринскаго театра въ Петербургѣ была впервые возобновлена въ Европѣ, спустя 2331 годъ со времени своей первой постановки, одна изъ трагедій Эврипида «Ипполитъ». Исполненію названной пьесы предшествовало нарочитое слово талантливаго современнаго писателя г. Мережковскаго — «о новомъ значеніи древней трагедіи». Въ немъ г. Мережковскій сообщаетъ, что постановка трагедіи «Ипполитъ» была «первымъ знаменательнымъ опытомъ возстановить первоначальное религіозное значеніе театра» и въ концѣ его съ театральныхъ подмостковъ преподаетъ собравшейся публикѣ буквально такое назиданіе: «Язычникъ Эврипидъ какимъ то чудомъ прозрѣнія увидѣлъ то, чего и мы, христіане, еще не видимъ ¹⁾, или уже не

¹⁾ Рѣчь идетъ о возможности разрѣшить противорѣчіе Афродиты и Артемиды, Афродиты рождающей, но жестокой. Артемиды — милосердой, но безплодной.

видимъ въ христіанствѣ... Мы болѣе, чѣмъ наши предки, гордимся христіанствомъ нашимъ или тѣмъ, что мы называемъ «христіанствомъ», болѣе презираемъ язычество. Но если бы мы вдумались въ то, что есть въ этой трагедіи Эврипида, то не пришлось ли бы намъ умѣрить нашу гордость и признать, что мы, христіане часто только на словахъ, а на дѣлѣ язычники или даже просто безбожники, могли бы поучиться у этого древняго язычника христіанству» ¹⁾).

Вмѣсто Евангелія и твореній замѣчательнѣйшихъ христіанскихъ мыслителей-богослововъ рекомендовать въ качествѣ руководства для изученія христіанской религіи произведенія жившаго почти за 500 лѣтъ до Р. Х. язычника—не очень ли это похоже на то, какъ если бы кто человѣку, ищущему надежнаго проводника на неизвѣстномъ и трудномъ пути, посоветовалъ избрать себѣ для этой цѣли слѣпца? Насколько благоразуменъ предлагаемый г. Мережковскимъ совѣтъ, можно отчасти видѣть на самомъ же совѣтчикѣ. Занятый соглашеніемъ между собою «правды скованнаго Титана съ правдой распятаго Галилеянина», т. е. язычества и христіанства и слишкомъ много полагающійся въ рѣшеніи этой проблемы на своихъ языческихъ руководителей, Мережковскій въ своемъ извѣстномъ романѣ «Смерть боговъ» вотъ какими чертами рисуетъ намъ «еще не пришедшаго, Невѣдомаго Примирителя» языческаго и христіанскаго міровъ: «Онъ явится, какъ молнія изъ тучи, смертоносный и всеозаряющій. Онъ будетъ страшенъ и безстрашенъ. Въ немъ сольются добро и зло, смиреніе и гордость, какъ свѣтъ и тѣнь сливаются въ утреннихъ сумеркахъ. И люди благословятъ его не только за милосердіе, но и за безпощадность. Въ немъ будетъ сила и красота сверхчеловѣческая» ²⁾. Какъ мало общаго съ христіанствомъ

¹⁾ «Новое Время» 15 Октября 1902 года, № 9560.

²⁾ Д. С. Мережковскій. Трилогія Христосъ и Антихристъ. I Смерть Боговъ (Юліанъ Отступникъ). Изд. 2. С.-Петербургъ, 1902 г., стр. 232.

имѣетъ этотъ вполне ницшеанскій образъ ожидаемаго г. Мережковскимъ «примирителя» языческаго и христіанскаго міросозерцаній, — понятно само собою.

Не менѣе знаменателенъ и другой примѣръ. Оригинальный, оч. часто впадающій въ грубыя ошибки, но всегда внимательный и блестящій современный публицистъ В. В. Розановъ въ своей недавней замѣткѣ о Влад. Соловьевѣ и Достоевскомъ дѣлаетъ между прочимъ такой отзывъ о почившемъ 10 Окт. 1891 г. великомъ Оптинскомъ подвижникѣ, старцѣ Амвросіѣ: «Онъ весь русскій, этотъ о. Амвросій. Читая его присловья, вспоминаешь Даля и его словари, а припоминая множество разсказовъ, о немъ ходившихъ, невольно какъ то возводишь ихъ, какъ къ прототипу, не къ фигурамъ знаменитыхъ греческихъ отцовъ, еще менѣе къ фигурамъ гремѣвшихъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, а къ столь знакомой намъ, русскимъ, фигурѣ древняго и вѣщаго старца, предсказавшаго Олегу его смерть. Оба надышались лѣсами, насмотрѣлись звѣздъ и взяли оттуда свое сердце» ¹⁾.

Не будемъ долго останавливаться на полной несообразности страннаго утвержденія г. Розанова, будто старецъ Амвросій, этотъ замѣчательнѣйшій представитель извѣстнаго всей православной Россіи оптинскаго «старчества», безпримѣрный милостивецъ, духовный цѣлитель, отецъ и наставникъ цѣлыхъ тысячъ всякаго чина и званія людей, всѣми удивительными качествами своего безконечно любвеобильнаго сердца былъ обязанъ только аромату лѣсовъ да холодному мерцанію небесныхъ звѣздъ... Важно открытое розановское противопоставленіе «вѣщаго и древняго старца, предсказавшаго смерть Олегу», фигурамъ греческихъ отцовъ, которыхъ и самъ г. Розановъ все же не могъ не назвать «знамени-

¹⁾ «Новое Время» 1902 года № 9536.

тыми», и которые въ дѣйствительности являются великими друзьями человѣчества, озаряющими цѣлые вѣка христіанства яркимъ сіяніемъ своей благодатной чуткости и отзывчивости къ нуждамъ, сомнѣніямъ и страданіямъ мятущейся человѣческой души...

Язычникъ Эврипидъ въ роли учителя христіанства и созданный поэтическимъ воображеніемъ Пушкина языческій кудесникъ въ качествѣ лучшаго образца для христіанскихъ цѣлителей народной совѣсти—не есть ли это несомнѣнный признакъ тайныхъ пожеланій, чтобы скорѣе опять воцарились надъ міромъ Тучегонитель Зевесъ и Громовержецъ Перунъ, подъ владычествомъ которыхъ такъ привольно и весело жило всѣмъ могучимъ, гордымъ и свободнымъ, когда единственною цѣлю челоуѣка было наслажденіе и единственнымъ закономъ безпощадно-жестокое право сильнѣйшаго?..

Вл. Н—скій.

(Окончаніе будетъ).

Еще о свѣчномъ заводѣ.

Интересная статья г. Никольскаго «Къ двадцатипятилѣтію Епархіальной свѣчной операціи» вызвала двѣ замѣтки: а) управленія Епархіальнаго свѣчного завода и б) о. Богатикова. Эти замѣтки, и въ особенности первая, заслуживаютъ полнаго вниманія. Но къ сожалѣнію въ обѣихъ замѣткахъ отведено очень мало мѣста для надлежащей критики кардинальнаго, по нашему мнѣнію, вопроса объ участіи церквей въ прибыляхъ завода. О. Богатиковъ прямо, не потрудившись разобрать «систему премій», говоритъ: «врядъ ли будетъ имѣть успѣхъ». Правленіе вѣскольکو болѣе удѣляетъ вниманія этому вопросу, но, какъ думается намъ, оно не совсѣмъ